

Е. С. Богданов

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Уйтагские олени

Статья посвящена стилистическим и иконографическим особенностям оленных блях, обнаруженных в сарагашенских склепах кург. 5 памятника Уйтаг-3 (Хакасия). Пять из шести анализируемых оленей найдено в потревоженной коллективной усыпальнице (склеп 5) вместе со статусным погребальным инвентарем (украшения из металла и дерева, обложенные золотой фольгой, богатые наборы подвесок и бус). Одна – в сильно разграбленном захоронении 3. Все оленные бляхи отличаются друг от друга по стилистическим особенностям и размерности. Животные показаны в характерной «лежащей» позе: с вытянутой шеей, подогнутыми ногами и «закинутыми» за спину ветвистыми рогами. В статье проведена корреляция с известными аналогиями из синхронных памятников. Подтверждается тезис об отсутствии жесткого канона для отливок оленных блях. Отсутствуют факты существования «эволюционной» модели развития. Вероятно, данные предметы изготавливались для каждого индивидуального случая и использования в качестве «жертвенных даров». Это позволяет еще раз поднять вопрос о критериях выделения элитарных комплексов. Использование образа оленя в погребально-поминальных церемониях является мотивированным и выступает важной частью представлений сарагашенцев о загробном существовании.

Ключевые слова: Хакасия, Уйтаг, сарагашенская эпоха тагарской культуры, склеп, погребальный обряд, оленная бляха, стилистические моменты, иконография.

E. S. Bogdanov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

The Uytag Deer

This author analyses the stylistic and iconographic features of deer-shaped plaques discovered in the Saragash burial vaults of kurgan No. 5 at the site of Uytag-3 (Khakassia). Five of the six analyzed deer plaques were recovered from a disturbed collective tomb (vault No. 5) alongside high-status grave goods (metal and wooden decorations coated with gold foil and large assemblages of pendants and beads). One of the plaques was found in a looted burial (No. 3). All deer plaques differ from one another in their stylistic details and dimensions. The animals are depicted in a characteristic «recumbent» pose: with elongated necks, tucked legs, and branched antlers bent backwards over their backs. The article draws correlations with known parallels from contemporaneous sites. It confirms the thesis that there was no strict pattern in casting deer plaques. There is no evidence of an «evolutionary» model of development. It is likely that these objects were made for each individual case and intended to serve as «votive offerings». This assumption raises the issue of the criteria identifying elite complexes. The use of the deer image in funerary and memorial rites was motivated and constituted an important part of the Saragash people's beliefs of the afterlife.

Keywords: Khakassia, Uytag, Saragash period of the Tagar culture, tomb, funerary rite, deer plaque, stylistic features, iconography.

Введение

Тагарским оленным бляхам посвящен огромный пласт публикаций. Многообразие форм и размерности, иконографических особенностей определило отсутствие четкой всеми принятой классификации с выделением определенных хронологических маркеров, позволяющих структурировать любой новый мате-

риал. Попытки Н. Л. Членовой [1962], В. В. Боброва [1973, 1974, 1976], Ю. И. Трифонова [1975], А. И. Мартынова [1979, с. 131–135], не получили должного развития в науке. Незыблемы только несколько моментов. 1. Географический: выделяется две группы – лесостепная и южная (хакасско-минусинская). Сразу стоит отметить, что по количеству оленных блях эти группы в настоящий момент сопоставимы. 2. Технологический:

выделяются две группы – рельефные и плоские. 3. Хронологический: постепенная схематизация (стилизация образа) и уменьшение в размерах. 4. Стилистический: наиболее ранние экземпляры – это олени со слегка запрокинутой головой и большими ветвистыми рогами. 5. Семантический: частая встречаемость предметов в сарагашенских погребальных склепах свидетельствует о высокой значимости этого образа в культуре тагарцев. Однако здесь возникает важный вопрос: оленные бляхи, связанные с «солярным культом», использовались в утилитарных целях каждым индивидом при жизни или же изготавливались для погребального обряда? Анализ известных опубликованных материалов позволяет утверждать, что существует высокая вариативность образа отлитых в бронзе оленей в пределах не только микрорайона, могильника и кургана, но и в пределах одного погребального склепа. Впервые это отметил еще А. И. Мартынов при анализе материалов из лесостепных тагарских памятников [1979, с. 121]. Это позволяет склониться в пользу гипотезы о существовании неких амулетных наборов, или «жертвенных даров», подготовленных для конкретного индивида, частью которых могли быть и оленные бляхи. Это положение хорошо иллюстри-

руют материалы, полученные при исследовании сарагашенского кург. 5 могильника Уйтаг-3 в Аскизском р-не Республики Хакасии.

Обрядовые моменты

Особенностям кургана и обнаруженным в нем коллективным захоронениям в склепах посвящено несколько публикаций [Богданов, Тимошенко, 2021; Богданов, 2026; Богданов, Давыдов, 2026, с. 73–76]. Поэтому обозначим лишь несколько моментов, важных с точки зрения выбранной темы. Одна оленная бляха (рис. 1, 1) найдена в склепе 3 (центральном) и пять экземпляров (рис. 1, 2–4) в склепе 5 (самом позднем по времени сооружения). По основным архитектурным характеристикам оба сооружения однотипны. Перекрытия устраивались на уровне погребенной почвы в виде двух и трехслойных накатов (уложенных крест-накрест) из толстых лиственничных бревен. Сами склепы представлены четыреххвонцовыми срубами с бревенчатыми полами. Оформленные ярусными стенами из плит входы в захоронения с опорными деревянными столбами ориентированы по-разному: у центрального – с запада, у юго-вос-

Рис. 1. Могильник Уйтаг-3, кург. 5. Оленные бляхи *in situ* в погребальных камерах.

1 – склеп 3; 2–4 – склеп 5.

точного – с юга. Сруб склепа 5 окружен по периметру внутри могильной ямы частоколом из поставленных бревен и имеет следы проведенного огненного ритуала (поджог изнутри). В склепе 3 захоронено было не менее 6 индивидов (*in situ* сохранилось 3); в склепе 5 – не менее 16.

Расположение и состав погребального инвентаря в описываемых коллективных захоронениях соответствуют тагарским «стандартам»: вдоль тела мужчин укладывались полноразмерные чеканы с наборами стрел с костяными, деревянными и бронзовыми наконечниками, кинжалы и ножи (иногда с шильями), ПНН («линии»); на живот женщин укладывались бронзовые дисковые зеркала. В изголовье устанавливали крупные керамические сосуды, у стенок сруба – остатки заупокойной пищи в виде отдельных кусков туш животных (кости коровы и/или овцы). На ногах мужчин в склепе 3 зафиксированы бронзовые «браслеты», которыми скреплялись голенища обуви. Особенности погребального обряда и инвентаря позволяют отнести центральное захоронение к сарагашенскому этапу, а 5 – к поздне-сарагашенскому (лепешкинскому) (об этом подробнее см.: [Богданов, 2026, рис. 1, 2; Богданов, Давыдов, 2026, с. 79–80, рис. 1]).

Несмотря на потревоженность и ограбленность захоронений, можно точно говорить о довольно высоком статусе по крайней мере части погребенных. В склепе 3 об этом свидетельствуют обрывки золотых обкладок из фольги, застрявшей в щелях пола, разнообразный погребальный инвентарь, включая украшения одежды и аксессуаров стеклянными бусинами, бронзовыми пронизками и полусферическими бляшками, а также обложенные позолотой бронзовые гривны и оленная бляха, тисненые в золотой фольге фигурки хищников, богатые амулетные наборы и украшения аксессуаров.

Что касается местоположения оленных блях (рис. 1), то в склепе 3 одна из них обнаружена лицевой стороной вниз и изначально плотно крепилась к неизвестному предмету с помощью кожаных тонких ремешков, пропущенных через петельки и ответвления рогов (рис. 1, 1). Рядом обнаружены стеклянная и бронзовые пронизы. Костей человека рядом не сохранилось.

В склепе 5 оленная бляха (рис. 1, 2) с обкладкой из золотой фольги (вместе с костяным гребнем-заколкой, золотой бляшкой с тисненной фигурой хищника и когтем рыси в оправе из золотой фольги) лежала под спиной захороненной женщины на центральной части амулетного набора из стеклянных бусин и пронизок, костяных и золотых полушарных бляшек, золотых пронизок-колпачков, костяных подвесок [Богданов, Давыдов, 2026, рис. 2–4]. Другая бронзовая бляха найдена *in situ* в районе грудины женщины [Богданов, 2026, рис. 1, 3; 3, 4] (рис. 1, 3). Остальные четыре – в разных частях погребальной камеры в переотложенном состоянии (рис. 1, 4).

1. *Массивная бляха 1 из склепа 3* (рис. 2, 1). Размеры: 108 × 62 × 4 мм. Животное с вытянутой вперед шеей и лосиноподобной головой направлено вправо. Шея короткая, поджарое туловище с прогибом имеет плавные очертания, вдоль шеи идет полоса гривки, объемно выделены лопатка и круп. Подогнутые ноги, в нижней части образуя прямую линию, соприкасаются слабо выделенными копытами. На тщательно моделированной голове с отвислой губой, глаз и ноздря отмечены круглыми ямками, оконтуренными валиками, небольшой рот – петлеобразным ободком. Последний уже вручную пытались визуально увеличить за счет трех грубых прочерчиваний (рис. 2, 1А). От уровня глаза из головы отходят 4 отростка (завитка) рога на одной нижней прямой «планке», заканчивающиеся уже за крупом. Короткое семечковидное ухо прижато к первому отростку рога. Хвост лишь обозначен. На обратной стороне горизонтально припаяны две петельки в виде полукруглых арок.

2. *Бляха 2 из склепа 5* (рис. 2, 2). Размеры: 87 × 50 × 5 мм. Животное с чуть приподнятой и вытянутой вперед шеей и лосиноподобной головой направлено влево. Шея длинная, изящно моделированное поджарое туловище имеет плавные очертания, объемно выделена сегментовидной формы лопатка. Подогнутые ноги соприкасаются хорошо выделенными копытами. Причем передняя показана отдельным элементом при соединении с туловищем. На тщательно моделированной голове с отвислой губой глаз объемно выделен кружком, полуоткрытая пасть и ноздря – петлеобразным ободком. От уровня глаза из головы отходят три «S-овидных» отростка рога на одной нижней прямой «планке», заканчивающиеся перемычкой к центру спины. Короткий (4-ый), нависающий над головой, отросток направлен в противоположную сторону. Длинное семечковидное ухо расположено между телом и рогами. Хвост хорошо обозначен. На обратной стороне вертикально припаяна одна петелька в виде полукруглой арки. Металл отливки очень тонкий с недоливом в районе петли и глаза. На обратной стороне по центру виден литейный шов.

3. *Бляха 3 из склепа 5* (рис. 2, 3), часть амулетного набора. Размеры: 60 × 35 × 4 мм. Лицевая сторона покрыта целым листком золотой фольги. На обратной стороне по центру вертикально (чуть под углом) припаяна одна петелька в виде полукруглой арки. Животное с вытянутой шеей с подогнутыми ногами направлено головой влево. Ноги соприкасаются со вмещенными копытами, передняя на задней. Тело рельефное, с выделенной сегментовидной лопаткой с плавными очертаниями. Глаз и пасть отмечены удлинненными ямками, оконтуренными валиками. От уровня глаза из головы отходят «S-образные» вьющиеся рога (3 отростка), заканчивающиеся на середине спины. Передний (4-ый), нависающий над

Рис. 2. Могильник Уйтаг-3, кург. 5. Оленные бляхи.

1 – склеп 3; 2–6 – склеп 5.

головой, отросток изогнут петлей в противоположную сторону. От затылка, вдоль края, показано длинное семечковидное ухо. Короткий хвост лишь обозначен.

4. Бляха 4 из склепа 5, обнаруженная на груди у женщины (рис. 2, 4). Размеры: $62 \times 39 \times 4$ мм. Представляет собой грубую копию изделия 3. Детали (глаз, пасть, ухо, лопатка) слегка проработаны, ухо не выделено, рельеф плавный. Отличия: совмещенные ноги с копытами в одну линию. На обратной стороне крупная петелька под углом в виде подквадратной арки.

5. Бляха 5 из склепа 5 (рис. 2, 5). Размеры: $71 \times 39 \times 4$ мм. Представляет собой более крупную вариацию изделия 3. Отличия: слабым рельефом выделена сегментовидной формы лопатка и бедро; ноги соприкасаются копытами. На обратной стороне вертикально припаяна одна петелька в виде полукруглой арки.

6. Бляха 6 из склепа 5 (рис. 2, 6). Размеры: $69 \times 36 \times 5$ мм. Животное с чуть приподнятой и вытянутой вперед шеей и лосиноподобной головой направлено влево. Шея длинная, утонченное туловище имеет плавные очертания, объемно выделена сегментовидной формы лопатка. Подогнутые ноги соприкасаются копытами, образуя прямую линию. На голове

с отвислой губой глаз и полуоткрытая пасть слегка обозначены. От головы отходят пять отростков гребенчатого рога на одной нижней прямой «планке», заканчивающиеся в середине туловища. Последний из них, короткий, – направлен в противоположную сторону. Хвост обозначен. На обратной стороне вертикально припаяна петелька в виде полукруглой арки.

Интерпретация материала

Таким образом, из одного кургана получена внушительная коллекция однотипных украшений. Можно ли на ее основе прийти к выводам о каком-то стилевом каноне изображений или на основании сравнительного анализа с уже известными оленными бляхами говорить о локально-хронологических вариантах? Попробуем разобраться, выделив два условных блока рассуждений.

1. *Технология и стилистика.* Во-первых, абсолютно невозможно говорить о некой эволюции изображений на основе одной исходной художественной модели. Тенденция развития образа оленя в искусстве абсолютно не связана ни со сменой трактовки

деталей в сторону декоративности, ни с движением в сторону упрощения, потому как технологические моменты тесно переплетены со стилистическими, а творческий процесс шел по индивидуальному принципу. Так, бляха 1 (отливка по восковой модели) из более раннего захоронения в кургане должна была бы иметь более архаические черты в иконографии. И если массивность изделия, рельефность (особенно признак прогиба в спине) и четкая проработка деталей отвечает таким требованиям, то моделирование рогов на единой «планке» с ухом и оформление ног идет уже по упрощенному принципу. Изготовить такую деталь для отливки проще. И в этом смысле такая художественная (природная) трактовка рогов более близка к лесостепной (Ачинско-Мариинской) традиции изображения «кольчатых» отростков на одном нижнем «стержне» (см.: [Бобров, 1976, с. 45–47]), хотя и встречается на территории хакасско-минусинских степей [Завитухина, 1983, кат. 137, 138, 140]. По всей видимости, данный стилистический аспект не является хронологическим маркером. Представляется, что такая форма рогов на наших бляхах могла быть обусловлена не только художественным смыслом, но и удобством, особенностями крепления бляхи с помощью ремешков именно через верхнюю часть (см. рис. 1, 1). И, возможно, уже при изготовлении каждого образца было известно, как его будут использовать. Чисто утилитарный момент, вероятно указывающий на определенный предмет, который мог украшать олень. Показательно, что на бляхах 2 и 6 отростки рогов хоть и размещены на одном стержне, но отличаются по ажурности (по форме завитков), что свидетельствует, на мой взгляд, об индивидуальном подходе конкретного мастера. Опять же, по оформлению ног и лосеобразной морды (отвисшая губа) бляхи 2 и 6 сходны, но четкая проработанность деталей имеется только в одном случае. Интересно, что для мастера было не важно, что передняя нога у оленя 2 выглядит неким отдельным элементом. Вероятно, для заказчика определяющими являлись иные моменты. Дугообразность «стержня» гребенчатого рога у оленя 6 также не является культурно-хронологическим признаком и, возможно, прав В. В. Бобров, считающий данную форму более поздним «переосмыслением раннетагарского образа козла» [Бобров, 1976, с. 47].

Бляхи 3–5 выполнены в одной стилистике и одной размерности, а различаются только по проработанности деталей образа (в изготовлении восковой модели). В этом смысле, наиболее изящным и «эталонным» получился олень в золотой обкладке (2). Показательно расположение ног и ажурность ветвистых рогов с отдельным передним отростком, направленным в противоположную сторону, а также миндалевидной формы глаз. Это, безусловно, дань древней традиции изображения копытных, и В. В. Бобров абсолютно прав, считая это «чертой наиболее ранних изображений», в т.ч. и для причерноморских образцов

[Бобров, 1976, с. 43–44, рис. 22]. Однако имеет смысл обратиться и к раннескифским, саяно-алтайским параллелям. Наиболее яркий пример – фигурка оленя с ветвистыми рогами на навершии головного убора из центрального захоронения Аржана-2 [Чугунов, 2024, илл. 386]. На уйтагской находке мы видим, что «элитарность» вещи мастер подчеркнул не только обкладкой из золота, но и упором на проработанность деталей и традиционность (архаичность) стилистических моментов. В природе таких рогов нет ни у оленей, ни у лосей. Это свидетельствует об образности мышления мастера. Менее четкие отливки оленей 4 и 5 свидетельствуют не о массовости изготовления подобных форм, а о разовости использования, возможно, в ритуальных целях.

Полных аналогий уйтагским оленям нет, но наибольшую близость всем бляхам мы находим среди находок по итогам работ Среднеенисейской археологической экспедиции в 1979 г. на сарагашенском могильнике Колок в Бейском р-не Республики Хакасия [Пшеницына, Поляков, 1989, рис. 2, 1], в Фондах ИАЭТ СО РАН и в коллекциях тагарских бронз из Эрмитажа и Минусинского музея. Сарагашенских оленей с золотой обкладкой известно очень мало, и только два из Ачинско-Мариинской лесостепи (курганый могильник Серебряково-1) [Герман, 2016, рис. 1, 2, 3]. Аналогией уйтагской бляхе с позолотой по иконографии и размерности является одна из девяти блях, найденных в мог. 1 кург. 1 могильника Медведка II [Боковенко, Красниенко, 1988, рис. 7, 7] и экземпляр из могильника Колок (Фонды ИАЭТ СО РАН, ГК № 47787647).

2. *Утилитарность и семантика.* Эти часто противоположные по смыслу постулаты, при ближайшем рассмотрении контекста находок тагарских оленных блях, оказываются тесно взаимосвязаны, особенно если мы отходим из парадигмы бездоказательных формулировок о «солярных культах» и этнических реконструкций. Сложность заключается в том, что большинство оленных блях обнаружены не *in situ*. Это либо случайные находки, либо одни из многих предметов в разграбленных сарагашенских захоронениях вне первичного контекста. В случае с уйтагским курганом две из шести блях удалось зафиксировать в изначальном положении с костяками женщин. То, что экземпляр с золотой обкладкой был частью статусного «жертвенного погребального дара» [Богданов, Давыдов, 2026, рис. 3, 4] не вызывает сомнения. Такие случаи известны и в Ачинско-Мариинской степи (могильник Березовский, кург. 4, мог. 3), где оленная бляха лежала в комплекте с зеркалом и ПНН [Субботин, 2024, рис. 1]. Считать ли их содержимым сумки или мешочка из органического материала – вопрос спорный, поскольку бронза бы обязательно законсервировала хотя бы обрывки органики. Неоднозначно обстоит дело с находкой уйтагского оленя на грудной клетке женщины. Можно было бы подумать, что

мы имеем дело либо с украшением костюма, либо с подвеской. В. В. Бобров в статистической подборке находок из погребальных комплексов Ачинско-Мариинской степи определил, что «оленные бляхи нашивались на одежду в области груди, на пояс, вероятно, на головной убор или колчан», крепились «на деревянные и кожаные предметы, до нас не дошедшие» [Бобров, 1974, с. 39–40, табл. 1]. В дальнейшем исследователи ссылались на это как факт (напр.: [Вадецкая, 1986, с. 93]). Однако ни один предмет не был найден прикрепленным, чтобы делать такие однозначные выводы. Аналогии из погребений «скифского круга» с территории Причерноморья не являются прямым доказательством тагарских традиций. Можно привести пример расположения *in situ* массивных наверший («штанدارтов») с фигурами лосей «на цыпочках» [Богданов, Тимощенко, Иванова, 2021, с. 882, рис. 3], по обе стороны от затылочной части черепа человека «в виде рогов». Однако это не свидетельствует о том, что мы обнаружили остатки головного убора. Возвращаясь к уйтагской бляхе с грудины женщины, отметим отсутствие на бронзе остатков шнура (ремешка или ткани), которые должны были сохраниться, учитывая находки нитей внутри бусин или кусочков тканей на зеркалах в этом же склепе. То есть можно предположить, что оленные бляхи могли использоваться при жизни человека в каком угодно качестве, но в процессе погребальной церемонии их просто оставляли в качестве «жертвенных даров» или апотропея. Именно этим и определяется разнообразие месторасположения данных находок рядом с погребенными из сарагашенских склепов. Наличие ремешков на уйтагской оленной бляхе 1 не опровергает данного предположения. Предмет могли открепить и уложить в могилу. Вопрос состоит в том, с какого предмета она была снята, учитывая массивность, толщину и основательность крепежных элементов. С какой целью были пропущены ремешки по лицевой стороне, если есть две петли на обратной стороне?

Практически все исследователи вслед за В. В. Бобровым называют оленные бляхи «отличительными знаками тагарской знати» [Бобров, 1973, с. 24]. Но насколько это правомерно, учитывая большое количество отливок низкого качества из сарагашенских склепов? В связи с этим, интересным исследованием бы стало выявление гендерных признаков в системе размещения оленей. Как вариант, они могли являться частью только женского погребального инвентаря. Но это тема дальнейшего исследования возможна по мере накопления новых археологических данных.

Заключение

Таким образом, обнаруженные в ходе раскопок сарагашенского кургана шесть оленных блях расширяют наши знания о месте и назначении данных предметов при проведении погребальных церемоний.

Их могли отливать как для использования в виде украшений в бытовой сфере, так и для обрядовых действий. При изготовлении предмета учитывались индивидуальные предпочтения мастера или заказчика. Каждая оленная бляха индивидуальна по набору стилистических и технологических признаков, но подчинена одной идее. По всей видимости, ежегодная смена рогов у лосей и оленей служила ярким природным прообразом представлений о цикличности смерти и жизни. Поэтому образ оленя, как важная обрядовая часть перехода человека в иной пласт бытия, мог символизировать акт возрождения. А фокус внимания был сосредоточен на показ ветвистых рогов.

Финансирование

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

Список литературы

- Бобров В. В.** Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля (тагарская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973. – 35 с.
- Бобров В. В.** Назначение тагарских «оленных» бляшек // ИЛАИ. – 1974. – Вып. V. – С. 37–51.
- Бобров В. В.** Художественные и стилистические особенности в скифо-сибирском искусстве звериного стиля // ИЛАИ. – 1976. – Вып. VII. – С. 42–59.
- Богданов Е. С.** Украшения с образом хищника из сарагашенских склепов // Алтай в кругу евразийских древностей: международная научная конференция, посвящ. 80-летию В. Д. Кубарева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2026 (в печати).
- Богданов Е. С., Давыдов Р. В.** Уникальный амулетный комплекс из тагарского захоронения у г. Уйтаг // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2026. – Т. 54, № 2. – С. 72–82.
- Богданов Е. С., Тимощенко А. А.** Культурный палимпсест в кургане № 5 могильника Уйтаг-3 (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 895–901.
- Богданов Е. С., Тимощенко А. А., Иванова А. С.** Археологические раскопки на могильниках Скальная в 2021 году (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 878–887.
- Боковенко Н. А., Красниенко С. В.** Могильник Медведка II // Памятники археологии в зоне мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). – Л.: Наука, 1988. – С. 23–45.
- Вадецкая Э. Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Герман П. В.** Тагарский склеп с изделиями из золотой фольги в Мариинской лесостепи (материалы раскопок

1969 г.) // Вестн. Том. гос. ун-та. – История. – 2016. – № 4. – С. 129–133.

Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее: Скифское время: Публикация одной коллекции. – Л.: Искусство, 1983. – 192 с.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.

Пшеницына М. Н., Поляков А. С. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. – 1989. – Вып. 196. – С. 58–66.

Субботин А. В. Заметки о культовых предметах в Бerezовском могильнике тагарской культуры (Шарыповский район Красноярского края) // Теория и практика археологических исследований. – 2024. – № 3 (36). – С. 50–61.

Трифонов Ю. И. О сюжете оленя в скифо-сибирском искусстве (в связи с вопросом классификации тагарских «оленных» блях) // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: тез. докл. науч. конф. / отв. ред. В. М. Массон. – Л.: [б. и], 1975. – С. 70–72.

Членова Н. Л. Скифский олень // Памятники скифосарматской культуры. – М.: Наука, 1962. – С. 167–203 (МИА; № 115).

Чугунов К. В. Аржан-2: погребально-поминальный комплекс в тувинской «долине царей». – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – 516 с.

References

Bobrov V. V. Olen' v Skifo-Sibirskom iskusstve zverinogo stilya (Tagarskaya kul'tura): cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1973, 35 p. (In Russ.).

Bobrov V. V. Naznacheniye tagarskikh «olennykh» blyashek. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*, 1974. No. 5. P. 37–51. (In Russ.).

Bobrov V. V. Khudozhestvennyye i stilisticheskiye osobennosti v Skifo-Sibirskom iskusstve zverinogo stilya, *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*, 1976. No. 7. P. 42–59. (In Russ.).

Bogdanov Y. S. Decorations with the figures of a predator from the Saragash crypts. *Altay v krugu yevraziyskikh drevnostey: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 80-letiyu V. D. Kubareva*. Novosibirsk (In press).

Bogdanov Y. S., Davydov R. V. A Rare Apotropaic Ornament from a Tagar Burial near Mount Uytag, Khakassia. *Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2026. Vol. 54, No. 2. P. 72–82. doi:10.17746/1563-0102.2026.54.2.072-082

Bogdanov Y. S., Timoshchenko A. A. Cultural palimpsest in the kurgan No. 5 of the Uytag-3 burial ground (Republic of Khakassia). In *Problems of Archaeology, Ethnography,*

Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. XXVII. P. 895–901. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0895-0901

Bogdanov Y. S., Timoshchenko A. A., Ivanova A. S. Archaeological excavations at the «Skalnaya» burial grounds in 2021 (the Republic of Khakassia). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. XXVII. P. 878–887. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2021.27.0878-0887

Bokovenko N. A., Krasniyenko S. V. Mogil'nik Medvedka II. In *Pamyatniki arkheologii v zone melioratsii Yuzhnoy sibiri (po materialam raskopok 1980–1984 g.)*. Leningrad: Nauka, 1988. P. 23–45. (In Russ.).

Chlenova N. L. Skifskiy olen'. In *Pamyatniki Skifosarmatskoy kul'tury*. Moscow: Nauka, 1962. P. 167–203. (In Russ.).

Chugunov K. V. Arzhan-2: pogrebal'no-pominal'nyy kompleks v tuvinskoj «Doline tsarej». Sankt-Peterburg: State Hermitage Museum Publ., 2024. 516 p. (In Russ.).

German P. V. Tagar burial vault with objects of golden foil in Mariinsk forest-steppe (Materials from excavations of 1969). *Vestnik TSU. Ser.: Istoriya*, 2016. No. 4. P. 129–133. (In Russ.). doi:10.17223/19988613/42/23

Martynov A. I. Lesostepnaya tagarskaya kul'tura. Novosibirsk: Nauka, 1979. 208 p. (In Russ.).

Pshenitsyna M. N., Polyakov A. S. Pogrebeniya rodoplemennoy znati tagarskogo obshchestva na yuge Khakasii. *KSIA*, 1989. Vol. 196. P. 58–66. (In Russ.).

Subbotin A. V. Notes on cult objects in the berezovsky burial site of the tagar culture (the Sharypovsky district of the Krasnoyarsk area). *Theory and practice of archaeological research*, 2024. No. 3 (36). P. 50–61. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2024)36(3)-03

Trifonov Y. I. O syuzhete olenya v Skifo-Sibirskom iskusstve (v svyazi s voprosom klassifikatsii tagarskikh «olennykh» blyakh). In *Ranniye kochevniki Sredney Azii i Kazakhstana: tezisy dokladov nauchnoy konferentsii*. Leningrad: [s. n.], 1975. P. 70–72. (In Russ.).

Vadetskaya E. B. Arkheologicheskiye pamyatniki v stepyakh srednego Yeniseya. Leningrad: Nauka, 1986. 180 p. (In Russ.).

Zavitukhina M. P. Drevneye iskusstvo na Yeniseye: skifskoye vremya: publikatsiya odnoy kollektsii. Leningrad: Iskusstvo, 1983. 192 p. (In Russ.).

Богданов Е. С. <https://orcid.org/0000-0001-7073-8914>

Дата сдачи рукописи: 30.05.2026 г.